

УДК 902(571.1)

DOI: 10.17223/19988613/68/4

В.В. Бобров

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НОВЫХ ФОРМАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Дан анализ методологии научных исследований в западносибирской археологии в новых формационных условиях. Несмотря на негативные последствия реформаторской политики, археологическая наука не только сохраняет собственные традиционные методы и подходы в исследованиях, но и развивает новые в рамках субдисциплин. Трансформация связана с внедрением общих гуманитарных методологических направлений зарубежной науки, таких как структурализм, диффузионизм, детерминизм. Обозначены некоторые современные проблемы теоретического характера западносибирской археологии. Раскрыто значение Западносибирских археолого-этнографических конференций для развития теоретико-методологического направления науки.

Ключевые слова: археология; методология; теория; Западная Сибирь; структурализм; диффузионизм; системный подход.

30 лет существования отечественной гуманитарной науки в новых идеологических условиях не могло не отразиться на ее общеметодологических принципах и теории. По выражению академика А.О. Чубарьяна, десять лет потребовалось историкам на поиски общей идеологической платформы в 1990-е гг. В отличие от них археологическая наука в большей степени была подготовлена к кардинальным изменениям, затронувшим всю социально-экономическую систему страны, включая надстроечные институты. Советская археология была знакома с методологическими подходами и теоретическими разработками зарубежных специалистов, хотя и в ограниченном варианте. Более того, идеология «новой», или «процессуальной», археологии, получившей распространение в странах Старого и Нового Света в 60–70-х гг. прошлого столетия, была близка общей методологической платформе советской археологии [1. С. 6, 318; 2. С. 364–365]. Современный этап развития отечественной археологии, на мой взгляд, сохраняет традиционную методологическую основу, особенно выраженную в «историзме» науки, но при этом использует и многие достижения зарубежных партнеров в области методики и научных подходов. Результат интеграционных процессов, «науки без границ», нашел отражение в археологии азиатской части России, в частности Западной Сибири. Вряд ли ошибусь, если скажу, что в настоящее время методический арсенал западносибирской археологии в изучении археологических источников не уступает мировому уровню, а в области их интерпретации, в исторической и социальной реконструкции опережает его.

Все же новые формационные условия не могли не породить проблемных ситуаций как в научной среде, так и собственно в науке. Первый блок имеет объективные и субъективные предпосылки. Они находят отражение в профессиональной подготовке, квалифи-

кационном росте, в постоянном процессе самообразования, на которые влияет множество факторов – от экономических до бюрократического прессинга. В качестве некоторых результатов этих факторов можно отметить, что, начиная с нулевых годов XXI столетия, сформировался рынок историко-культурной и археологической экспертизы, существенно помолодел и количественно вырос состав держателей Открытых листов, родилась несвойственная отечественной науке рейтинговая система, имеющая наряду с положительным результатом негативный эффект. В частности, возникла необходимость публикационной активности, причем ориентированная на престижные зарубежные и отечественные периодические издания. Это следует дополнить далеко не качественной (напрашивается более жесткое определение) реформой высшего образования, включая его послевузовскую форму. Итогом процессов, происходящих в научной среде, явился рост неэффективных трудовых затрат, тиражированных в различных нормативных циркулярах для научного сообщества.

Все это не могло не сказаться на методологическом и теоретическом уровне археологических исследований. Положительную динамику сохраняют, несмотря на оптимизацию, крупные научные коллективы, сформировавшие школу. Примерами являются школа палеолитоведения под руководством академика А.П. Деревянко и школа археологии палеометалла академика В.И. Молодина в Институте археологии и этнографии СО РАН. Публикации результатов научных исследований таких коллективов выдержаны в формате соавторства, как это принято в естественнонаучной среде, а близость археологии естественным наукам достаточно хорошо известна исследователям-практикам. Таким же примером является Томский государственный университет, но в своеобразном формате, реализующем

сохранение научной археологической традиции в новом структурном объединении – научно-образовательном центре (НОЦ).

Трансформация в методологии западносибирской археологии проявилась во внедрении структурного подхода (в представлении Леви-Стросса), принципа детерминизма, идеи диффузионизма, использовании классификационных терминов и понятий зарубежной исторической и социальной наук. В частности, таких как «доисторический период», «социально-стратифицированные общества» и др.

В качестве методологической основы структурный подход, наряду с системным, представлен практически во всех диссертационных работах, защита которых состоялась в последние десятилетия. Однако от декларации до реализации – «дистанция огромного размера». Более того, среди специалистов-теоретиков гуманитарной науки нет единства в понимании основного метода структурного подхода (см., напр.: [3, 4]). Сомнение вызывает также его использование в работах, посвященных темам вещеведческого характера. Хотя много сторонников и противоположной точки зрения. Если структурный подход в какой-то степени оказал позитивное воздействие на результаты исследований, особенно в области мировоззрения и мифологии обществ дописьменного периода истории, то этого нельзя сказать об использовании принципа детерминизма для объяснения специфики археологических культур Западной Сибири. Преимущественно он находит воплощение в изучении взаимоотношения человека и природы. Экологическое направление в отечественной археологии ориентировано на выявление и изучение механизмов этой взаимосвязи, прежде всего со стороны общественной системы, и ее исторических последствий. На мой взгляд, это составляет содержание социальной адаптации, которой подчинена жизнедеятельность общества.

Пространство западносибирского региона имеет широкое расположение ландшафтных зон, границы которых подвержены колебаниям в период глобальных климатических циклов. Преимущественно принцип детерминизма находит отражение в исследовании адаптационных процессов, протекавших в различных историко-хронологические периоды в разных экосистемах. В работах, посвященных этим проблемам, если их суммировать, можно отчетливо выявить две формулы. Во-первых, процесс адаптации на территории Западной Сибири никогда не заканчивался. Во-вторых, природа влияла (в лучшем варианте) на формирование культуры. Причем в первом случае речь идет исключительно об адаптации в условиях природной среды. Может ли быть этот процесс непрерывным? Если провести ревизию опубликованных работ западносибирских археологов, то можно выстроить достаточно многочисленный ряд исследований, в которых решается проблема адаптации древних обществ от эпохи камня до Средневековья включительно с привлечением специалистов естественных наук, прежде всего палеогеографии. Причем в специальной литературе длительность процесса адаптации можно выявить в одной конкретной ландшафтной зоне.

Обращаясь к традиционной культуре народов, например Сибири (принцип археолого-этнографических параллелей), вряд ли удастся проследить постоянный процесс адаптации к природным условиям. Если представить реальную ситуацию любого древнего хронологического периода, в который возникала необходимость приспособления к «непривычным» природным условиям в процессе освоения новой территории (миграционный вариант смены культур) или вынужденной смены традиционной формы хозяйственной деятельности, то процесс адаптации мог пройти очень быстро. Это собственный опыт и опыт автохтонного народа-реципиента. Но эти теоретические положения не получили достойного внимания. Среди немногочисленных публикаций, которые освещают данную проблему, выделяется масштабная по содержанию, но краткая по форме работа В.И. Молодина. Он рассматривает экологический кризис, произошедший на рубеже II–I тыс. до н.э. на значительной территории Северной Азии, а на археологических источниках раскрывает социальные механизмы выхода этнокультурных объединений из него, а также вызванные этим процессом исторические и социально-экономические последствия [5]. Работа содержит примеры отсутствия трансформации культуры мигрантов в «чужеродной» географической среде, что чрезвычайно важно с теоретической точки зрения. Кроме природной среды как фактора адаптации, другие ее формы, такие как социокультурная или межкультурная, специально в западносибирской археологии не рассматриваются. К межкультурной адаптации можно было бы отнести решение проблем взаимодействия древних обществ, но оно ограничивается констатацией фактов взаимодействия на уровне материальных комплексов. В таком виде взаимодействие в большей степени соответствует идеям культурной диффузии, которые, на мой взгляд, не дают объяснения внутренних причин появления инноваций в культурной среде. Более того, это научное течение получило широкое распространение и ориентацию на познание развития культуры цивилизаций нового и новейшего времени, особенно в связи с формированием такого направления, как культурология.

Вторая формула, кроме сторонников концепции «влияния природы на формирование культуры», представлена единичными приверженцами жесткого детерминизма. Они, предлагая рассматривать природную среду как культуuroобразующий фактор, придерживаются радикальной точки зрения [6], при этом или отрицая принадлежность тезиса к идеям географического детерминизма, или откровенно поддерживая ее (палеогеографы).

Однако было бы неправильно не отметить работы, содержащие экологическую проблематику, методологическую основу которых составляют принципы материализма. В качестве примера приведу коллективную монографию уральских археологов, совместную с зарубежными коллегами [7]. Хотя список таких работ будет обширным.

Вернусь к такому научному направлению, как диффузионизм, который в истоках формирования содержит идею географического детерминизма. Термин

«диффузия» в последние годы вошел в научный словарь современных западносибирских исследований, соответствуя своему значению в переводе с латинского языка. Это не вызывает критической оценки. Но научная теория с методологической точки зрения имеет существенный недостаток, который заложен в главной посылке – доминанта внешнего влияния как фактора социокультурного развития общества. Следует признать, что «современный» диффузионизм (в этнологии и археологии) имеет познавательное значение. Среди сибирских специалистов только один археолог взял на себя смелость обозначить, что теоретической основой его исследования «...послужили разработки в рамках отдельных направлений эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение)...» [8. С. 6]. В реальности же это исследование основано на принципах исторического материализма.

От общих и, хотелось бы надеяться, небесполезных рассуждений обратим внимание на некоторые проблемные ситуации в западносибирской археологии, сложившиеся в конце XX – начале XXI столетий. Одной из главных проблем является как общая, так и локальная периодизация, теоретические и практические разработки которой восходят к истокам археологической науки. В последние три десятилетия она приобрела особую актуальность. Это связано с обобщением обширных источников разных историко-хронологических периодов в разных экосистемах Западной Сибири, формированием новых взглядов на культурно-исторические процессы этого региона, а также Южной Сибири и казахстанских степей, внедрением новых методических подходов в исследования археологических источников.

К проблеме общей периодизации относится выделение переходного периода от эпохи камня к эпохе палеометалла. В ее решении приняли участие практически все специалисты, занимающиеся исследованием эпохи бронзы Западной Сибири. В итоге предложено не менее шести терминов и понятий, характеризующих данный историко-хронологический период [9]. Можно согласиться с Л.С. Клейном, для которого периодизация имела два аспекта: деление на эпохи и как разновидность классификации, и оба они ограничены трудностями технического критерия и возможностями определения рубежей периодизации (условны или реальны) [10]. В практике советской археологии был опыт наряду с техническим критерием ввести исторический, в частности появление скотоводства и земледелия. Но он не приобрел общеевразийского характера в периодизации.

Кроме трудностей технического порядка существовали причины и условия, не зависящие от воли человека, которые могли привести к «сбою» в монолинейном техническом прогрессе, отражение которого заложено в общей археологической периодизации. Свидетельством тому – неравномерность исторического развития, истоки которой уходят в «седую» древность. На территории Западной Сибири одним из таких условий было отсутствие природных ресурсов для перехода к металлу и его освоению [11]. Рудные ис-

точники находятся за пределами крупнейшей в мире западносибирской низменности. Логичнее было бы предположить многообразие путей смены эпох. Это, на мой взгляд, и нашло отражение в разных понятиях. Но нельзя не обратить внимания на то, что термин «энеолит» приобрел многих сторонников. В значительной степени, по-моему, это связано с тем, что в этот термин вкладывают хронологический смысл, что ведет к механистической трактовке культурно-исторического процесса в среде с неадекватными условиями развития общества.

В связи с историко-хронологическим периодом смены эпох обращу внимание на одно очень важное с теоретической точки зрения обстоятельство. Оно относится к археологии северных широт Западной Сибири, в частности Зауралья и Нижнего Приобья. По мнению уральских археологов, переходный период здесь длился не менее тысячи лет. Тем не менее в этом хронологическом интервале выделено существование нескольких культурных типов, демонстрирующих в одних районах развитие традиций, в других, вероятно, их смену [12–15]. Объяснения этим явлениям, как и определения причин поступательного движения древних обществ в своеобразном природном окружении, не последовало до настоящего времени.

Теоретическую проблему составляют содержательная часть и историко-культурные процессы переходного периода ранней бронзы на территории лесостепного и южно-таежного Приобья. В частности, особого внимания заслуживают исследование и обоснование соответствия комплексов сейминско-турбинской эпохи понятию «ранняя бронза» как в этом регионе, так и других районов, вплоть до Урала. Основанием является аргументированная теория об изначальных сибирских компонентах формирования этого археологического феномена.

На территории Западной Сибири практически одновременно сформировались и одновременно завершили свое существование два этнокультурных объединения – саргатское и кулайское, заняв соответственно большую часть лесостепной и таежной зоны. Они просуществовали почти тысячу лет. Первая часть этого времени относится к скифской эпохе, вторая – к гунно-сарматской. С исследованием этих объединений связаны как минимум две проблемы. Первую можно представить в виде вопроса: случайно ли длительное сосуществование социальных объединений двух достаточно воинственных и агрессивных народов, и было ли это противостояние регулируемым механизмами предгосударственного общества? Теоретический аспект проблемы заложен в изучении исторических причин этого явления. Вторая проблема связана с соответствием содержания историко-культурного развития и процессов в таежной зоне Западной Сибири понятию «гунно-сарматская эпоха». Оно не противоречит саргатской культуре, ареал которой предположительно можно рассматривать, по выражению Д.Г. Савинова, провинцией хунну. Может, этим объясняется редкий для евразийского пространства степей и лесостепи случай сохранения культуры от V в. до н.э. до IV в. н.э.

Рассматривая проблему общей периодизации археологии, нельзя не обратить внимания на попытки изменить хронологическую границу начала раннего Средневековья. Несмотря на то, что она рассматривается относительно исторических процессов в кочевом мире Центральной Азии, эта проблема не может не коснуться сопредельных территорий Западной Сибири. Эта тема, как и сам термин «средневековье», на мой взгляд, имеют больше отношение к теории и методологии исторической науки.

Выделенные проблемы теоретического и методологического характера, на мой взгляд, являются главными в западносибирской археологии, хотя ими не исчерпывается предложенная специалистами тематика.

В ключе поставленной темы особо остановлюсь на значении Западносибирских археолого-этнографических совещаний (ЗСАЭС) в аспекте истории науки. Этот сибирский научный форум должен по праву войти в историю отечественной гуманитарной науки хотя бы потому, что он все пятьдесят лет следовал одному из важнейших, на мой взгляд, принципов теории археологии – археолого-этнографические параллели. Он был органично реализован в монографиях и статьях последних лет М.Ф. Косарева, последователя учения своего наставника – выдающегося археолога и этнографа В.Н. Чернецова. Этим же отличались его доклады на ЗСАЭС. Альянс археологов и этнографов, несомненно, оказал положительное воздействие на качество научных исследований представителей этих наук. Не исключаю, что обсуждение проблем этногенеза народов Западной Сибири, метода ретроспекции в решении данной проблемы на западносибирских археолого-этнографических совещаниях наряду с другими факторами привели Н.А. Томилова к формированию такого направления, как «этноархеология». Но не в понимании Л.Р. Бинфорда. Впоследствии в тематику этого альянса включились антропологи, лингвисты, историки, искусствоведы и др. Такая кооперация существенно обогащала гуманитарные знания о западносибирском регионе. Подобного примера единения археологов и этнографов, которое демонстрирует западносибирское совещание, не просто найти на советском пространстве и в современной России.

Другой, менее выразительной, но все же особенностью ЗСАЭС является ее тематика, которая не только, как сейчас принято говорить, является ответом на вызов научных знаний, но и ориентирована на соответствующий ему методологический и теоретический уровень. Подтверждают этот тезис проблемы, вынесенные в название совещаний. Преобладающая часть их связана с историческим содержанием археолого-этнографических исследований, в частности таких, как проблема изучения экономики и социальной структуры населения региона, мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим источникам, культура как система в историческом контексте, проблемы исторической интерпретации по археологическим и этнографическим источникам, естественно-географическая среда и исторический процесс и др. Не оставлены без внимания проблемы

методологии археологических и этнографических исследований, теории и методологии изучения системы жизнеобеспечения традиционных обществ. В западносибирских археолого-этнографических совещаниях находит отражение общая тенденция развития современного этапа отечественной археологической науки.

На мой взгляд, на современном этапе происходит новый качественный скачок, особенно в области методологии науки, призванной ответить на познавательные вызовы общества. В последние десятилетия произошли формирование и становление субдисциплин со свойственными им предметом, объектом и методами исследования. Среди них в первую очередь выделю петроглифоведение, или петроглифику. Ее становление и развитие связаны с именами таких исследователей, как Я.А. Шер, М.А. и Е.Г. Дэвлет, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, Е.А. Миклашевич, М.С. Килуновская и др. Произошло также их корпоративное объединение: Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства, долгие годы возглавляемая Я.А. Шером (кафедра археологии КемГУ), центр палеоискусства в Институте археологии РАН под руководством, светлой памяти, Е.Г. Дэвлет, Совместная лаборатория мультидисциплинарных исследований наскального искусства при НГУ (заведующий – академик В.И. Молодин). Научному сообществу достаточно хорошо известно, какой прорыв был сделан этим научным направлением в области документирования недвижимых памятников искусства благодаря внедрению новых методов и современных технических достижений. Достоянием человечества стало множество изображений, скрытых временем от визуального восприятия. Мультидисциплинарный подход, активно внедряемый научной школой Института археологии и этнографии СО РАН (академики А.П. Деревянко и В.И. Молодин), раскрывает широкий круг знаний и умений древних народов. В качестве примера приведу монографию «Феномен алтайских мумий», авторы которой представляют 19 учреждений как нашей страны, так и Западной Европы [16]. Исключительное место в данном подходе занимает палеогенетика, результаты исследований которой, в частности сибирских археологических источников, имеют мировой резонанс. Наконец, не могу не упомянуть такую субдисциплину, как «историческая археология», теоретико-методологическая платформа которой разработана членом-корреспондентом РАН Л.А. Беляевым с участием многих специалистов, в том числе сибирских учреждений. Приведенные примеры и те, которые остались за пределами этой статьи, позволяют предполагать, что отечественная археологическая наука приобретает качественно новый уровень на современном этапе развития, сохраняя лучшие традиции советского времени.

Д.Г. Савинов опубликовал в виде методического пособия небольшую теоретическую работу, которую назвал «Гуманитарная археология» [17]. На мой взгляд, этот термин может определять идеологию современной отечественной археологии, а ее методологическую платформу – «интеграционная археология» (лат. *integratio* – восстановление).

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейн Л.С. Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк : Изд-во ДонНУ, 2009. 393 с.
2. Шер Я.А. Новая археология и Клейновская «Новая археология» // Клейн Л.С. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк : Изд-во ДонНУ, 2009. С. 364–371.
3. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А. Методика системного изучения археологических источников // Теория и практика в археологических исследованиях. 2005. № 1. С. 11–18.
4. Мельникова О.М. Методология современной отечественной археологии: стихия традиции или интуитивный поиск основного выбора // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург : Магеллан, 2008. С. 6–13.
5. Молодин В.И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 22–24.
6. Мартынов А.И. Макро- и микроприродная среда, как культуурообразующий фактор в археологические периоды // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 73–75.
7. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2009. 298 с.
8. Мандрыка П.В. Бронзовый и ранний железный век в южной части Среднего Енисея и низовьев Ангары : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2018. 54 с.
9. Бобров В.В. Энеолит Западной Сибири (современное состояние изучения и проблемы) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. I. С. 347–349.
10. Клейн Л.С. Археологическая периодизация в новом тысячелетии // Российский археологический ежегодник. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2014. № 4. С. 57–60.
11. Косарев М.Ф. К вопросу о неравномерности исторического процесса (по сибирским археолого-этнографическим материалам) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Томск : Аграф-Пресс, 2009. С. 36–40.
12. Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблема культуурогенеза. Екатеринбург, 1999. 182 с.
13. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. 312 с.
14. Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург : Волот, 2009. 272 с.
15. Фёдорова Н.В. Археологические культуры Ямала. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала. Екатеринбург : Баско, 2010. Т. I: Ямал традиционный, кн. 1: Древние культуры и коренные народы. С. 47–135.
16. Феномен алтайских мумий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2000. 320 с.
17. Савинов Д.Г. Гуманитарная археология. СПб. : ЭлекСис, 2019. 96 с.

Vladimir V. Bobrov, Institute of Human Ecology the Federal research center of Coal and Coal Chemistry SB RAS; Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bobrov4545@mail.ru

THEORETIC AND METHODOLOGICAL ISSUES OF WESTERN SIBERIAN ARCHAEOLOGY IN NEW FORMATION CONDITIONS

Keywords: archaeology; methods; theory; Western Siberia; structuralism; diffusionism; system approach.

Theory and methodology form the foundation of science. Based on this premise, the work aims to study and evaluate the theoretical and methodological aspects of Siberian archaeological researches (in the 1990–2020s) of the pre-literate period of history. Based on special literature and author's abstracts of candidate and doctor thesis, it can be concluded that the complex of the traditional basic methods of archeology are still in use. At the same time, there is a search for new methodological approaches in formation of such sub-branches as petroglyph study, historical archaeology, ethno-archaeology (in terms of N.A. Tomilov's school). As for the general methods of humanitarian and social sciences, some transformation has been noticed in Western Siberian archaeology. In new conditions in Russia, it is embodied in implementation of structuralism, diffusionism and determinism ideas. The structuralism methods specifics consist in syncretism with a system approach which was actively included in Russian archaeology in the 1970s. The determinism ideas appear in the research of human adaptation to the environment. The radical point of view is presented in the works of individual researchers. Among the variety of directions in diffusionism, the theory of "cultural diffusionism" is being introduced into West Siberian archeology.

The article presents actual theoretical issues of local archaeology. The most important of them, according to the author, is the problem of studying the content of the transition period between the Stone and Paleometal Age. It is defined by 6 terms in modern Western Siberian archaeology. An independent problem is the transformation or change of cultural types in the taiga zone, in which the transition between epochs took at least a thousand years. These phenomena have not been explained yet either theoretically or from the point of view of the development of historical and cultural processes. The theoretical aspect deals with the Early Bronze Age dating of Seima-Turbino assemblages in the forest-steppe Ob region. The reasons of the simultaneous existence of two militant ethno-cultural formations in Western Siberia (Sargatka culture and Kulay culture), what is more, in the unique chronological range from the Scythian period to the Early Middle Age, need to be explained.

The conclusion part contains an aspect of archaeology history. It deals with the role of Western Siberian archaeological and ethnographic conferences concerning science development in the region, particularly theory and methods for 50 years. It has been concluded that at the actual stage of development, Russian archaeology is rising to a new level preserving the best traditions of Soviet period.

REFERENCES

1. Kleyn, L.S. (2009) *Novaya arkhеologiya (kriticheskiy analiz teoreticheskogo napravleniya v arkhеologii Zapada)* [New archeology (a critical analysis of the theoretical direction in the archeology of the West)]. Donetsk: Donetsk National University.
2. Sher, Ya.A. (2009) *Novaya arkhеologiya i Kleynovskaya "Novaya arkhеologiya"* [New archeology and Klein's "New archeology"]. In: Kleyn, L.S. *Novaya arkhеologiya (kriticheskiy analiz teoreticheskogo napravleniya v arkhеologii Zapada)* [New archeology (a critical analysis of the theoretical direction in the archeology of the West)]. Donetsk: Donetsk National University. pp. 364–371.
3. Gorbunova, T.G. & Tishkin, A.A. (2005) *Metodika sistemnogo izucheniya arkhеologicheskikh istochnikov* [Methodology for the systemic study of archaeological sources]. *Teoriya i praktika v arkhеologicheskikh issledovaniyakh – Theory and Practice of Archaeological Research*. 1. pp. 11–18.
4. Melnikova, O.M. (2008) *Metodologiya sovremennoy otechestvennoy arkhеologii: stikhiya traditsii ili intuitivnyy poisk osnovnogo vybora* [Methodology of modern Russian archeology: the element of tradition or an intuitive search for the main choice]. *Voprosy arkhеologii Urala*. 25. pp. 6–13.
5. Molodin, V.I. (2008) *Ekologicheskiy "stress" na rubezhe II–I tys. do n.e. i ego vliyanie na etnokul'turnye i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy u narodov Zapadnoy Sibiri* [Environmental "stress" at the turn of the 2nd – 1st millennium BC and its impact on ethnocultural and socio-economic processes among the peoples of Western Siberia]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh*

- arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in a Historical Context: the Experience of West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 22–24.
6. Martynov, A.I. (2010) Makro- i mikro prirodnyaya sreda, kak kul'turoobrazuyushchiy faktor v arkheologicheskie periody [Macro- and micronatural environment as a culture-forming factor in archaeological periods]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in a Historical Context: the Experience of West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 73–75.
 7. Berseneva, N.A. et al. (2009) *Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e.* [Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the 1st millennium BC]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan.
 8. Mandryka, P.V. (2018) *Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek v yuzhnoy chasti Srednego Eniseya i nizov'ev Angar* [Bronze and Early Iron Age in the southern part of the Middle Enisei and the lower reaches of the Angara]. Abstract of History Dr. Diss. Barnaul.
 9. Bobrov, V.V. (2006) Eneolit Zapadnoy Sibiri (sovremennoe sostoyaniye izucheniya i problemy) [Eneolithic of Western Siberia (current state of study and problems)]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Sovremennyye problemy arkheologii Rossii* [Modern Problems of Russian archeology]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 347–349.
 10. Kleyn, L.S. (2014) Arkheologicheskaya periodizatsiya v novom tysyacheletii [Archaeological periodization in the new millennium]. In: Vishnyatsky, L.B. (ed.) *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook]. Vol. 4. St. Petersburg : Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium. pp. 57–60.
 11. Kosarev, M.F. (2009) K voprosu o neravnomernosti istoricheskogo protsessa (po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam) [On the unevenness of the historical process (based on Siberian archaeological and ethnographic materials)]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Problemy arkheologii i istorii Severnoy Evrazii* [Problems of Archeology and History of Northern Eurasia]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 36–40.
 12. Shorin, A.F. (1999) *Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: problema kul'turogeneza* [Eneolithic of the Urals and Adjacent Territories: The Problem of Cultural Genesis]. Ekaterinburg: UrB RAS.
 13. Chairkina, N.M. (2005) *Eneolit Srednego Zaural'ya* [Eneolithic of the Middle Trans-Urals]. Ekaterinburg: UrB RAS.
 14. Koksharov, S.F. (2009) *Pamyatniki eneolita severa Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic Monuments of the north of Western Siberia]. Ekaterinburg: Volot.
 15. Fedorova, N.V. (2010) Arkheologicheskie kul'tury Yamala. Eneolit i epokha bronzy [Archaeological cultures of Yamal. The Eneolithic and the Bronze Age]. In: Poberezhnikov, I.V. (ed.) *Istoriya Yamala* [History of Yamal]. Vol. 1. Ekaterinburg: Basko. pp. 47–135.
 16. Molodin, V.I. et al. (2000) *Fenomen altayskikh mumiy* [The Phenomenon of Altai Mummies]. Novosibirsk: SB RAS.
 17. Savinov, D.G. (2019) *Gumanitarnaya arkheologiya* [Humanitarian Archeology]. St. Petersburg: ElekSis.